НА ЗЕМЛЕ ЗАРАТУШТРЫ

Автор: Ольга Равченко, писатель, член МГП

1. **Год 2020-й**

Международная гильдия писателей два года готовилась к культурологической ассамблее, которая должна была пройти в Узбекистане, но так и не состоялась по известной причине. По итогам двух конкурсов – «На земле Заратуштры» и «Восток – дело тонкое» – вышел литературный альманах «На земле Заратуштры», в который вошли произведения русскоязычных авторов, творчество которых вобрало лучшие традиции культур многих народов мира.

Лучшим конкурсным работам предстояло предварять «культурную программу ассамблеи в Узбекистане и стать отправной точкой в личном творческом общении членов Международной гильдии писателей, – пишет в предисловии к альманаху член Международной гильдии писателей, член Союза писателей Узбекистана Галина Долгая. – Несмотря на то, что в силу непредвиденных обстоятельств у нас не получилось личного общения на земле Заратуштры, мы всё же смогли провести конкурсы и объединить на страницах нашего сборника писателей, в который раз подтвердив, что литература и искусство вне границ и времени, а древняя история народов вдохновляет мастеров слова к созданию новых интересных произведений». Цель ассамблеи – сохранение через развитие – достигнута.

Открывает альманах стихотворение «Память пустыни» Никиты Брагина. Судить о глубине произведения можно даже по двум фрагментам:

Прости мне, Восток, что беру твой калам и пергамент,
что стройная алеф укутана суздальской вязью,
что пресным лепешкам отныне лежать с пирогами,
что древние стены под ливнем становятся грязью.
[…]
Спаси, моя память, царей с барельефов Нимруда,
снега Бадахшана, красавиц, уснувших в Сидоне,
и пальмы проросток, взошедший из каменной груды,
и тайну улыбки, лежащей на детской ладони.

Не лишено мотива покаяния и стихотворение «Родимое пятно» Елены Лариной:

Прости, родимое пятно на карте мира.
[…]
А я при чем? А что же мне-то нет покоя
и этих контуров на карте нет дороже?
Я не прошу любви, прошу: живи, родное,
не сокращайся как шагреневая кожа.

Стихотворение Инны Лариной менее прозрачное, чем два предыдущих, и всё же:

Я здесь не бывала лет двадцать –

У дома, где детство мое,
Казалось, готово остаться
На жизнь или дольше нее…
[…]
Но я добралась до начала…

У Ольги Коршуновой – та же, что и у Инны, ностальгия по детству и малой Родине:

Увы, с годами все трудней
Сорваться враз и – прочь, в бега
От цепких будничных корней
В восторг дорог, в поля, луга,

В озер задумчивый покой,
Где неуместны гам и прыть,
Где сознаешь: другой такой
Минуты может и не быть.

Ностальгия Дмитрия Бочарова глубже – и осознаннее предназначение родителей на закате их жизни:

Птенцы, оперяясь, стремятся в свободный полет... […]
А мы устарели. Так искренне кажется им… […]
А мы остаемся – беречь родовое гнездо.
Вздыхать об ушедшем… лелеять осколки скорлупок…

Герои победителей в номинации «Проза» – Елены Яхненко, Ольги Фокиной и Ефима Златкина, равно как и дипломантов Галины Долгой, Анатолия Градницына и Гумера Каримова – Люди. В рассказе у Анатолия – фоном – представлены нелюди.

О работе «Дар волхвам – магам с Востока» Эммы Прибыльской и Ольги Равченко (номинация «Публицистика, эссеистика, критика») скажу главное: в творчестве авторов тема Востока и зороастризма – не проходная.

Эпиграф к эссе: «Мысленно он уже там».

Заключительные строки: «Три ведомых Вифлеемской звездою мага поверили в рождение Спасителя – первое из пророчеств Золотого Сириуса, и почтили дарами хварну младенца – энергию-благодать, Божественное творческое пламя.

Задача отмеченных искрой Божьей – употребить своё творчество на воссоздание общности, единства Человечества – в дар волхвам, магам с Востока».

Вторую «нашу» с Эммой «кардинальную тему» – «Велемир Хлебников» – развивает в эссе «Велемир. Моё первое знакомство» Татьяна Бадакова: «Со степью, с народной культурой, историей и бытом калмыков связаны первые детские впечатления Веры и Виктора (Велемира) Хлебниковых. Отсюда же их обостренный интерес к Востоку в зрелом возрасте». В отличие от нас, у Татьяны есть реальная возможность не только соприкасаться с наследием В. Хлебникова, но и черпать вдохновение непосредственно из незамутнённого источника – Малых Дербет.

Геннадий Литвинцев в эссе «Прошлое и настоящее: Гёте стал для Европы Колумбом исламской культуры» обращается к третьей теме, которую мы с Эммой достаточно глубоко изучали и обсуждали, но даже вскользь не могли упомянуть в рамках своей конкурсной работы, которую и так сократили до минимума. Геннадий пишет: «В Коране сказано: “Богу принадлежит и Восток, Богу принадлежит и Запад”. Гёте любил и охотно цитировал это выражение, оно и определяет общечеловеческую суть его поэтического шедевра «Западно-восточный диван», в котором во всем блеске таланта великого мастера соединились достижения двух культур – восточной и западной». Не далее как сегодня во время прогулки в лесу Эмма – как бы между прочим – сказала: «Хлебников, в отличие от Есенина, Персию посетил. Потому-то Есенин туда и рвался».

Николай Ильин в великолепной критической статье «По „Междуречию“ в поисках Донкихотов» рассматривает «альманах литературного семинара СП Узбекистана “Междуречие”, содержащий небольшие произведения в стихах и прозе уже известных (Б. Ахмедов, В. Осадченко) и начинающих авторов, которые позволяют проследить тенденции развития современного литературного мышления.

Оба поколения представлены в сборнике не в конфронтационных отношениях “отцов и детей”, но в духовной и творческой близости, сформированной под воздействием 90-х годов истекшего столетия и последовавших изменений».

С дипломантом Татьяной Поповой смотрю хорошо знакомый мне «Вологодский калейдоскоп: шти на мосту, масло масляное и Сталин в кружевах». Из трёх чудес лично я не знакома только с первым. Вместе с Татьяной заключаю: «Что еще сказать о Вологде? Памятные по песне “дома, где резной палисад” мы видели. Некоторым туристам, правда, показалось, что их недостаточно много сохранилось. Вологда им представлялась тихим патриархальным городишком, сплошь деревянным. А меня вологодский калейдоскоп не разочаровал. Жаль, времени было мало, много не успели посмотреть. Значит, есть повод вернуться».

2. Год 2021-й

Достаточно перечислить имена авторов и названия их произведений, чтобы передать атмосферу, царящую в номинации «Поэзия»: Игорь Исаев – «Билет в прошлое», Наталья Шабло – «Пятая сущность дождя», Наталья Колмогорова – «Камень Бел-Горюч», Никита Брагин – «Раковина».

Тема рассказа «Плот» Веры Сытник, в принципе, та же, что и в рассказе «Мамка» Елены Яхненко. Хочется верить, что и у героя Веры всё будет хорошо.

Я ещё застала – в детстве – безногих, безруких, каталочников – участников Второй мировой войны, и рассказ Александра Жданова «Посади Петра повыше» меня тронул: читая, глотала слёзы…

Вспомнилась «Волжская баллада» Льва Ошанина:

Он ли – этот бедняга без рук и без ног,
С перекошенным, серым лицом?
И, не в силах сдержаться, от горя пьяна,
Повалившись в кровать головой,
В голос вдруг закричала, завыла она:

– Где ты, Леша, соколик ты мой?! –
Лишь в глазах у него два горячих луча.
Что он скажет – безрукий, немой!
И сурово Наталья глядит на врача:
– Собирайте, он едет домой.

И «Настя Карпова» Евгения Евтушенко – вспомнилась:

И когда, в конце сорок третьего
Прибыл раненый муж домой,
Он сначала со сплетнями встретился,
А потом уж с Настей самой.

Рассказ Дениса Морозова «Рысь» повествует о странных происшествиях, время от времени случающихся в деревне с говорящим названием – «Таежная Глушь».

Рассказ Натальи Колмогоровой «Варежки» – с открытым концом: «Сынок! Молюсь о твоем возвращении. Час победы близко. Возвращайся живым. Твоя мама».

Рассказ Валентины Рогачевой «Шафиркан – незабываемое гостеприимство» возвращает меня в Советский Союз: в счастливое детство.

«Турбулентность Ники Турбиной» от Натальи Шабло тоже напоминает читателю о недавнем прошлом, но – о крайне турбулентном: «Мы взрослели и искали свои пути, вместе со страной переживали все стадии распада, потеряв уверенность в своем будущем и включившись в борьбу за выживание. […] Но время шло. Но то, что Ника не выжила, что ее жизнь оборвалась в 2002 году, для меня стало настоящим шоком спустя много лет после ее смерти. Почему-то эта информация прошла мимо меня в свое время. […] И вдруг – как ответ на мой посыл туда, в пространство Вселенной, – заметка о вышедшей в издательстве АСТ книге Александра Ратнера “Тайны жизни Ники Турбиной”. […] …порядка десяти лет эту книгу не издавали по принципу: “Кому это сейчас нужно?”

Ника Турбина – не просто кумир ушедшей эпохи. Она – символ всего потерянного и нереализованного в нас! И книга об ее судьбе – горькое утешение тем нам прежним, кто осознает, что в нас этого таланта и обостренного нерва поэта определенно оказалось меньше. Потому что мы не сгорели. Потому что пережили возраст Ники Турбиной и Курта Кобейна, Дженис Джоплин и Джима Моррисона. Потому что существуем и изнашиваем то немногое, что по насыщенности жизни на один квадратный сантиметр тела не мучает, а лишь подстегивает доживать. А эта девочка... Что было в ней такого, что делало её стихи необыкновенно пронзительными и взрослыми, а саму ее навсегда оставило с душой ребенка? […] Опуская все детали недолгой взрослой жизни Ники, я все пыталась найти ответ – как получилось, что именно ей суждено было стать Икаром пост-советского периода?»

Рассказ Натальи Адлер «Алеет звездочка на доме ветерана» начинается в далёком 1910-м и продолжается в наши дни: история, знакомая до боли.

Иное дело – «Изник», Глава из повести-эссе “Путешествие из Стамбула в Анкару”» Никиты Брагина: «Дорога к Изнику вьется среди холмов и оливковых рощ, то и дело можно видеть старые деревенские дома, в стенах которых послойно чередуются каменные блоки и деревянные балки, поседевшие от времени. Такие дома обычны для мест, где часто бывают землетрясения; подобные «композитные» стены лучше выдерживают подземные толчки. […]

Изникские изразцы не так знамениты, как самаркандские, но все же им посвящен целый зал Эрмитажа... […] Изник – это древняя Никея, град Вселенского Собора, а одно время даже столица Византийской империи.

Именно здесь особенно легко представить себе ту «провинцию у моря», о которой говорит поэт. И вправду, ведь Плиний Младший в эпоху Траяна служил недалеко отсюда, в Вифинии. […] Попав в Турцию в 1994 году, я ожидал увидеть там кофейное царство, но вместо этого везде был чай, черный, с обилием дубильных веществ, подаваемый в стеклянных стаканчиках с талией. […] Вот что не меняется – это старики в харчевнях. […] Ах, как много надо учиться, чтобы понять самое обычное движение человека простого, человека из народа. […] Книга лишь отчасти может помочь в таком учении, живой опыт значительно лучше, но где его набраться? Наш, русский опыт, здесь не срабатывает точно так же, как наш способ заваривания чая не годится для турецких сортов! Только Кавказ с его отчетливыми патриархальными традициями – вот единственное близкое подобие. Неудивительно, ведь север Турции, по которому мы путешествуем, населен во многом выходцами с Северного Кавказа.

Старички эти в нашей жизни есть некое immobilis in mobile, крепкий каменный утес посреди стремительного потока. Сто лет назад точно такие же сидели они под чинарами, беседовали да покуривали. Будет мир стоять через сто лет – и старички такие же будут. Стоит сравнить эту картину с образами мира западного, а также и нашего – и диву даешься. Сейчас создается такое впечатление, что и у нас, и в Западной Европе панически боятся старости».

Если что-то и вызывает возражение, так это заключительные слова Никиты Брагина, не в обиду ему будь сказано: «В общем, все мы хотим быть кем-то, хотим, чтобы нас признавали за кого-то, а самими собой уже быть не можем. И потому Изник с его стариной так невыразимо прекрасен – ведь он настоящий, и жители его живут не мнимой жизнью, как мы».

Знакомлюсь с произведениями победителей и дипломантов номинации «Поэзия»: Юлия Ольшевская-Хатценбеллер, «Эльфийский оракул (Предсказание)»; Алла Кречмер, «Монголия»; Наталья Колмогорова, «Караван»; Елена Ханина, «Восходы Ближнего Востока».

Ни одну из вышеназванных стран не считаю чужеродной, тем не менее три «восточных стихотворения»-победителя объединяю в строки Натальи Колмогоровой:

Стелется шелком
Путь караванный
Вглубь чужеродных земель.

Что касается Италии – это без преувеличения моя вторая родина.

Татьяна Бадакова – «Три откровения»: Душа. Степь. Животворная пустота первого январского снега. Тонкая проза, но мне ближе (по многим причинам, включая новизну информации и свежесть мысли) откровения Эммы Прибыльской: «“Восток – дело тонкое” – всплыло в моей памяти по прочтению нескольких стихотворении из сборника „Точка росы“. Речь шла о братстве моря Эгейского и моря Каспийского. Лезгинский поэт Билал Адилов ощутил их родство, беседуя с Понт-Эгеем на своем родном языке, а я внимала общению с морской стихией через перевод Ольги Равченко. Впрочем, он глубже-шире просто перевода. Скорее, я внимала самой Ольге в ипостаси поэта с Востока. […] Самое высокогорное селение

в Европе – лезгинское. Да, в Европе, поскольку на Кавказе Восток встречается с Западом. […] Каспиана – прибрежная область Кавказской Албании, древнего государства лезгиноязычных народов. Каспии жили не только на западном, но и на южном, юго-восточном берегах Каспийского моря в Гиркании: строили корабли, ловили осетров – в том числе у дельты Атрека, в современном пограничье Ирана и Туркмении, то есть там, где в 1921 году по сценарию фильма жил-служил таможенник Верещагин, чья реплика стала фразеологизмом на тему: „Внимание! Иначе недопонимание – а потом и конфликт цивилизаций!“

[…] Яран Сувар празднуется как Новруз, то есть в весеннее равноденствие, когда в северном полушарии наступает астрономическая весна. […] Суть праздника – священная свадьба богини Яр и громовержца Алпана. Словно иерогамия Геры и Зевса. Их священный брак не сотворяет мир, но вызывает весеннее обновление природы. […] Всему в природе своё время и место, любовь должна нести свет и тепло, отношения – быть высокими, а свадьба – священной: на благо изобилия и плодородия – словом, жизни.

[…] Новруз – новый день, новый луч! Юнеско объявило 21 марта Международным днем Новруза. Официальным праздником он стал в Первой персидской империи под влиянием зороастризма, но возник гораздо раньше. […] Создавались и гибли государства, оставляя руины городов и памятники древней письменности на мёртвых языках. Никому не известные ранее племена меняли династии, создавали и крушили империи. Творилась история Древнего Мира. Но в культуре, языке, генах любого народа – ведает ли он о том или пребывает в неведении – виден пройденный им путь. Рано или поздно антропологи, археологи, лингвисты, генетики выяснят маршруты древних миграций, историю происхождения и распространения человечества по Земле. Это возможно, если существуют реликты прошлого – традиции, праздники, живая кровь древних народов, их живые языки. […] Восток старше и мудрее Запада: он повидал за свои тысячелетия – смену цивилизации, великие переселения народов, изменения климата. Внес свою лепту, чтобы запомнилось: люди от одного корня говорили на одном языке, вместе строили одну вавилонскую башню. А если разошлись в разные стороны, очутились в разных оазисах, на разных морских берегах? Надо держать связь – хранить нить путеводную, чтобы единство не рухнуло».

Анатолии Градницын, «Притча о мудром ишаке»: «Восток – дело тонкое, но еще и непредсказуемое. Здесь невозможно заранее знать, чем может закончиться то или иное происшествие, начало которого, казалось бы, должно было привести только к одному, законному, результату». Таки приводит!

Николай Ильин в «Повороте налево» уготовил нам встречу с гаишником – весьма предсказуемую.

Что непредсказуемо, так это развязка у Фриды Шутман в рассказе «Восток – дело тонкое, или Слепая любовь»: «Он увидел, что капли на самом деле – это танцующие в зеленых шелковых сари юные индианки. […] «Сон в руку», – думает он. […] Дядина любовь к пению была, можно сказать, слепой; нот он и в глаза не видел... […] Т. к. всем четверым его отпрыскам «медведь на ухо наступил», свою страсть к пению дядя разделял с музыкально одарённым племянником. Уже успел свозить шестнадцатилетнего Давида на певческий фестиваль в Грецию и Болгарию. А на сей раз, значит, пришло время Индии...

[…] “Гай Фалги выступает в городе Гая на реке Фалгу! Это ж надо, чтобы так все совпало”, – часто впоследствии вспоминал об индийских гастролях Давид». Но это – так себе: до развязки ещё далеко…

3. Раздел VIP
предваряет Главное нравственное правило из гат Заратустры:
«Счастье тому, кто желает счастья другим»

Галина Долгая, «Танцуй, Шива, танцуй!»: миниатюра-левитация.

Великолепны зарисовки Сергея Плышевского, но мы позволим читателю самому погрузиться в их очарование, а здесь ограничимся советом от автора:

Время торопится мощным лесным шмелем
И, разгоняясь, свистит как шальная пуля.
Ты осторожно крути повороты своим рулем,
Не провались в густой натюрморт июля.

«Ночная гостья» Мухаббат Юлдашевой целенаправленно творит свою реальность: «Шамол – непостоянный, но такой влекущий к себе ветер. Мелькнул, свистнул и нет его.

– Камол? – не расслышала бабушка. – Камол – совершенство. Красивое имя. Очень красивое.

[…] Надира изумленно молчала. Если все так, как рассказывает Шамол, значит, существуют чудеса. Те настоящие, без которых жизнь человеческая пуста. Ей страстно хотелось верить услышанному. […] Теперь Надира знала: бабочка «арвохкапалак» не приносит плохих вестей».

Рисолат Хайдарова в переводе с узбекского Зульфиры Хасановой в рассказе «На деревьях завязались плоды» переносит нас в мир молодой современной женщины – с её тревогами, сомнениями и стремлением к красоте и совершенству.

Юлия Скородумова в поэзии иронична и откровенна. Определённо нравится – в том числе игрою слов и неожиданными поворотами («Ницца»):

Что нам до злачных наших песен,
когда вокруг такие злаки.
Что нам до головы повинной,
когда вокруг такие вина,
Когда вокруг она сама.

Но Ницше в ней сошел с ума.

Завершить путешествие по Земле Заратуштры мне хотелось бы переводом с иврита Ханоха Дашевского стихотворений из Ури Цви Гринберга (1896-1981). В «Стихах о колодце» явно ощущается лоркианская атмосфера невозможности любви:

Только девушка та с золотистой косой
то проходит, как тень, то стоит предо мной
у колодца, ко мне повернувшись спиной.

«И в воду бросали цветы» – живописное полотно редчайшей красоты, которое не стану цитировать здесь, а приведу лишь фрагмент:

Над реками юности нашей, как будто вчера,
мы в воду бросали цветы: золотая пора!
[…]
Остались ли где-то за морем, в долинах
реки те и леса, и дома, где хранятся в кувшинах
и лукошках кровавые ягоды вишен,
и жужжит ли пчела, так что звук ее слышен?

Над реками юности нашей сейчас
бросает ли кто-нибудь в воду цветы вместо нас,
и смотрит ли так же Господь сквозь небесный покров,
и слезы роняют ли ангелы в пух облаков?

«Песня двоих»:

Они дети пока, но в грядущем сольются уста,
и когда освятит их венчальный обряд,
под сиренью желания скроется вся нагота,
и мелодией, лучшей из всех, голоса зазвучат.

В «Стихах, написанных вдали от дома», ощущаю не только живопись, но и музыку:

Может, дождь с ароматом бальзама пройдет
в то мгновенье, когда я присяду на пне.
И медовую влагу прольет небосвод,
и рубашка льняная намокнет на мне.
Подожду я, дождем орошенный,
пока разноцветными станут в огне облака,
и счастливые ласточки стаей густой
устремятся к завесе зари золотой.
Не сумеют они одолеть этот путь,
чтобы в золото клювы свои окунуть,
и вернутся: уснувшие ветви встряхнуть.
А любимые будут все время со мной,
но до них не смогу дотянуться рукой.

«Песнь нашей земли молчаливой»:

И будет в тот час, когда ей заповедует Бог
заделать проломы и свет возвратить первозданный,
раскроет листы Книга рек, и польется поток,
лишь мы ничего не увидим – исполнится срок,
и наши тела завернут в ее саван песчаный.

А пока видим свет земной, самое время устремиться через развитие – к сохранению.

Ольга Равченко, писатель, член МГП